

В. А. Бажанов
Бажанов Валентин Александрович
доктор философских наук,
профессор,
заведующий кафедрой философии и политологии
Ульяновского государственного университета
Тел.: (8422)329316.
E-mail: bazhan@sv.uven.ru
432063 Ульяновск, А.Я. 1602

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАУКИ

Озабоченность состоянием и перспективами развития науки в современной России присуща и Президенту России, и правительству, и самим ученым. Все отмечают тяжелое положение, скудное финансирование науки в нашей стране. Несмотря на наметившийся весьма скромный рост отечественной экономики каких-либо существенных прорывов в финансировании науки и высшего образования, а, стало быть, в положении ученых и преподавателей в обозримом будущем (пять, а то и десять лет) ожидать не приходится. В связи с этим проблема сохранения научного потенциала приобретает особую остроту. Естественное старение научных кадров, отток ученых и преподавателей (занимающихся научными исследованиями) в другие сферы деятельности, резкое снижение престижности научных и педагогических профессий придает проблеме сохранения научного потенциала статус проблемы, предопределяющей будущее России как высокоразвитой страны, входящей (или хотя бы претендующей на вхождение) в «золотой миллиард» человечества. В настоящее время о России можно говорить лишь как о развивающемся государстве, и потенциал ее развития в направлении создания постиндустриального общества всецело определяется состоянием и перспективами развития научных и образовательных структур, которые только и способны изменить структуру формирования внутреннего национального продукта – сократить сырьевую составляющую и увеличить составляющую, формируемую продуктами, полученными в результате применения высоких технологий.

Как можно (и должно!) не только сохранять и развивать научный потенциал до того счастливого момента, когда стратегия государственной политики в отношении науки изменится на всемерную и – не побоюсь произнести этого слова – щедрую поддержку? Какие принципы должны быть заложены в фундамент формирования политики России в области науки и технологий? Какая стратегия представляется не просто оптимальной, а выигрышной? Наконец, какие конкретно организационные формы поддержки и развития научных исследований соответствуют этой стратегии?

Полагаю, что, принятие «Основ политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», предполагает кристаллизацию такой стратегии и выработку механизмов ее реализации.

Два альтернативных подхода к формированию стратегии развития общественных структур

В истории социальной мысли явно или неявно соперничали два подхода. Один исходил из примата «целого» над «частным», а другой наоборот ставил на «частное» и обуславливал успех «целого» успехом развития его элементов («частного»). Первый подход можно условно назвать *социальным реализмом*, второй – *социальным номинализмом*.

Социальный реализм, представленный наиболее рельефно, например, именами Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса («человек – это совокупность всех общественных отношений») предполагал, что развитие общественного организма и его элементов (человека, отдельных социальных групп) определяется целым – абсолютной идеей (Гегель) или борьбой классов (Маркс). При этом диалектика преобразования «класса в себе» в «класс для себя» порождала на практике пренебрежение к человеческой жизни, насилие над личностью, оправдание трагедии отдельного

человека светлым будущим человечества. Здесь можно говорить о социальном утопизме, который находит питательную почву в концептуальном арсенале социального реализма.

Социальный номинализм, представленный, прежде всего, либерализмом и его идейными предшественниками (Дж. Локк, Д. Юм, А. Смит, Дж. Милль) предполагал, что человек и его права и свободы приоритетны перед государством, что само государство является своего рода результатом общественного договора, и оно лишь обеспечивает своим гражданам более «комфортное» существование. Экономические последствия стратегии, основанной на идеях социального номинализма, привели к тому, что ряд государств достиг значительных успехов в обеспечении благосостояния людей, составив тот самый «золотой миллиард».

Стратегия, (чаще всего неявно) основанная на принципах социального реализма в области управления наукой связывается в первую очередь с деятельностью крупных институтов, вузов, организаций, выбором безусловно «перспективных» направлений, «ведущих» институтов или вузов. Именно последние должны получать приоритетное финансирование и поддержку. Именно последние определяют прогресс науки. Этот подход у нас представлен, скажем, А.И. Ракитовым [1], который настаивает на том, что финансовые ресурсы необходимо сосредоточить на нескольких приоритетных направлениях, приступить к созданию ограниченного числа федеральных исследовательских университетов и т.д.

Российские реалии таковы, что и приоритетные направления, и другие выбор «ограниченного» числа ведущих университетов будут определяться связями и статусом либо тех или иных политических фигур и лоббистов, либо внеакадемическим статусом некоторых академических «тяжеловесов».

Последние тенденции управления наукой в России, похоже, свидетельствуют, что стратегия научной политики задается установками именно социального реализма. Определены приоритетные направления, ведется работа по ранжированию вузов, некоторые из которых будут объявлены «ведущими» и будут соответственно поддерживаться. Конечно, можно было бы только порадоваться за коллег, которые, возможно, будут получать более достойную зарплату, смогут свободнее покупать приборы и продвигаться вперед в своих исследованиях и разработках. Другие же, по-видимому, будут недополучать то, что предстоит добавлять «ведущим» организациям и еще более и более отставать и в материальном, и информационном благополучии.

Впрочем, некоторые старые вузы уже объявлены национальным достоянием, и преподаватели в них получают зарплату в 1,5 раза выше своих коллег, работающих в учреждениях, не убеленных сединами. Возникает вопрос: национальным достоянием являются стены этих вузов или их научный и образовательный потенциал? Почему, скажем, я, как профессор Казанского университета, был более ценен (и, так сказать, оплачиваем) по сравнению с тем, когда перешел работать в Ульяновский университет (тогда еще филиал МГУ)? От этого перемещения в пространстве снизилась моя научная и педагогическая квалификация? Мой опыт для становления нового вуза являлся с точки зрения государства менее значимым, нежели дальнейшее пребывание в стенах славного Казанского университета?

Стратегия развития науки, основанная на принципах социального номинализма

Гениальная идея, способная перевернуть мир или сделать его лучше, всегда возникает в мозгу одного человека. Озарение всегда является плодом длительных размышлений, упорного труда, оттачивания интуиции отдельного человека. Впоследствии идея может и должна «доводиться» в научном коллективе, шлифоваться в процессе научных дискуссий и обмена мнений между коллегами. Среда оформления научной идеи в «материальную» силу, концепцию, завоевывающую массы, никогда не представляет из себя крупный институт и уж тем более университет. Это чаще всего сравнительно небольшой коллектив (десять – двадцать – тридцать человек?). Коллектив людей, одержимых – но только какое-то время! - одной идеей. Если идея хороша, то имеет шанс когда-то лечь в основу деятельности научного направления, представленного уже множеством коллективов. Если же идея недостаточно хороша, то со временем сей факт осознается самим коллективом и его члены перетекут в коллективы, занятые разработкой новых идей и концепций. Процесс рождения и смерти исследовательских коллективов – естественная форма развития науки, предопределенная конкуренцией и отбором исследовательских программ. Институциональное «консервирование» такого рода коллективов значительно тормозит ее развитие. Поэтому *выигрышная стратегия должна основываться на свободе и всемерной поддержке научного творчества – отдельного человека (ученого) и научных*

коллективов (которые, как правило, - стоит повторить еще раз – достаточно компактны по своему составу).

Это вовсе не декларация, а положение, претендующее на основополагающее в планировании научной стратегии. Как известно из трудов замечательного отечественного науковеда А.И. Яблонского, «научная результативность, являясь функцией от капиталовложений и организации науки, пропорциональна лишь логарифму от ассигнований, но прямо пропорциональна степени организации науки» [2, с. 207]. Поэтому выбор стратегии – ключевой вопрос для судеб российской науки и, в конечном счете, ключевой для судеб развития страны не как сырьевого (и, стало быть, временного) придатка «золотого миллиарда», а полноправного члена клуба развитых государств, обеспечивающих своим гражданам достойную и безопасную жизнь.

Стратегия организации науки должна исходить из принципов социального номинализма. Главное действующее лицо здесь – конкретный ученый и тот коллектив, который создается для решения для или иных исследовательских или конструкторских задач [см. также: 3].

Институт, вуз могут считаться ведущими вовсе не «по определению», а потому, что в нем работает ученые, которые постоянно, в режиме обязательной и открытой состязательности с коллегами, подтверждают свое высокую репутацию. Они не должны пользоваться заслугами своих великих предшественников, которые творили десятилетия или даже столетия в прошлом (М.В. Ломоносова, Н.И. Лобачевского, А.М. Бутлерова и т.д.). Наука на личностном уровне развивается некумулятивно. Она подобна птице Феникс: только постоянно сжигая себя, наука способна возрождаться. Если поддерживать научных мертвецов и строить научную стратегию, отталкиваясь от надгробных плит, то ни сохранить научное сообщество, ни приумножить список великих научных достижений не удастся.

Иными словами, поддержки достойны только конкретные люди и небольшие мобильные исследовательские группы.

Об организационных формах реализации научной политики

Такого рода поддержка обеспечивается только посредством гибкой грантовой системы, представленной ныне, в основном, Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

Независимая и объективная экспертиза, которая должна и в значительной мере осуществляется в фондах, позволяет выявлять наиболее перспективные и глубоко продуманные проекты, сохранять и приумножать концептуальный арсенал науки и технологий. Грантовая система оставляет открытым вопрос о «приоритетных» направлениях и ведущих научных организациях. Ученый или научный коллектив предьявляет независимой экспертизе свои наработки, которая оценивает их с точки зрения возможности финансирования, и благодаря которой на некоторое время эти наработки становятся приоритетными.

Опыт истории (причем и сравнительно недавний) показывает, что научный прогресс (особенно в области фундаментальной науки) трудно (если вообще) предсказуем на сколько-нибудь разумный период. Прогресс совершается «здесь и сейчас». Его природа такова, что в принципе не позволяет видеть вперед на десятилетие, а иногда даже и на несколько лет. Чем более, так сказать, фундаментальнее открытие, тем менее оно предсказуемо. Стягивая фронт научного поиска до нескольких «приоритетных» направлений или финансируя «ведущие» вузы, мы рискуем оказаться – в который раз! – на обочине и научного, и технологического прогресса. Каких-то семь-восемь лет назад мои знакомые радиоинженеры серьезно обсуждали проблему наискорейшего получения радиопозывных людьми, которые хотели бы пользоваться переговорными устройствами типа «воки-токи». Никто из них и подумать не мог, что через считанные годы начнется бурное развитие сотовой связи. Прогресс как всегда пошел непроторенными и непредвиденными путями, контуры которых можно было проглядеть лишь на пару-тройку лет вперед. Как отмечал И.И. Артоболевский, часто бывает наиболее плодотворно не само открытие, а его побочный продукт.

Генератором и носителем новых идей и технологий всегда был и будет конкретный (пусть и не имеющий шанс оставить след в истории науки) человек. Поэтому ни в коем случае нельзя сужать поле научного поиска, как фактически советует А.И. Ракилов (надеясь расширить поле, когда придут «лучшие времена»), нельзя осуществлять селекцию перспективных и неперспективных институтов, вузов, направлений и технологий и т.п. Только существенный перенос акцента с общего (институт, вуз) на частное (человек) путем качественного скачка (и в

смысле финансирования, и в смысле расширения) грантовой системы позволит сохранить разнообразие и потенциал отечественной науки и образования.

Ныне заметна явная недооценка этой системы теми, кто планирует и выделяет средства на науку. Финансирование РФФИ и РГНФ в 2003 года, насколько мне известно, осталось на уровне прошлого года. Оно даже не проиндексировано.

Разумеется, грантовая система должна совершенствоваться.

Совершенно ненормально, когда научная деятельность такой громадной страны как Россия представляется в основном Москвой (и уже в значительно меньшей степени С.-Петербургом). Ненормально, когда львиная доля научного потенциала сосредоточена (если судить по внешним признакам типа грантов, публикаций, поездок и т.п.) в одном НИИ.

По всей видимости, одно из направлений совершенствования экспертизы фондов может быть связано с обозначением некоторых (достаточно «необременительных», впрочем) лимитов, препятствующих такого рода концентрации.

Необходимо совершенствовать и расширять независимую экспертизу. Надо *существенно* увеличить долю финансирования науки, которая проходит через грантовые фонды [См. также: 4]. Здесь, вероятно, можно было принять смешанный принцип, аналогичный тому, на котором построено формирование Государственной Думы: 50% средств на фундаментальную науку распределяется «прежним» образом – на Институты и вузы, а 50% (а не доли процентов – как сейчас) – идет через фонды конкретным исследователям и коллективам. Полагаю, что в идеале пропорция распределения средств должна быть в пользу фондов, поскольку распределения внутри институтов и вузов часто отражает пристрастия администрации («Петров мне мил, а Иванов нет»).

Принцип 50:50 придал бы системе финансирования российской науки известную гибкость и сделал бы ее значительно более жизнеспособной в условиях времени экономического неблагополучия.

Реальная возможность выиграть относительно приличный по своим размерам грант в честном состязании с более опытными коллегами крепче удерживала бы молодых исследователей в пределах Отечества.

Стоило бы обдумать целесообразность ввести *качественно* новый вид грантов в области фундаментальных наук. Я бы (условно) назвал их *инновационными*. Дело в том, что ученые, которые известны своими работами в какой-то одной области, имеют значительно бóльший шанс получить грант, связанный с темой их давних исследований. Тем самым его как бы «удерживает» эта тема. Однако ученый мог заинтересоваться и другой тематикой, по которой у него пока нет сколько-нибудь существенного задела. Окунуться с головой в новую проблему его удерживает риск остаться без адекватного финансирования, да и недостаток времени (если он не решается оставить свою «традиционную» тему). Почему бы тем, кто уже неоднократно доказывал свою способность успешно выполнять грантовые проекты, не дать возможность сделать крутой зигзаг в своих научных интересах и попытаться доказать свою научную «состоятельность» в радикально новой для него области, в которую он может привнести свой опыт, оригинальные методы и видение проблемы? Из истории науки известно, что такого рода научные преобразования бывают весьма продуктивными.

Акцент на развитие грантовой системы поддержки науки – и есть выигрышная стратегия развития фундаментальных научных исследований в условиях затяжного экономического кризиса.

Литература

1. Ракитов А.И. Стоп-кадры? и другие статьи о науке в России // Поиск, 2001, № 23-27
2. Яблонский А.И. Математические модели в исследовании науки. М.: Наука, 1986
3. Бажанов В. Уйдем с обочины // Поиск, 2001, № 30-31.
4. Дынкин А. Ресурсы и кадры Российской науки // Независимая газета, 16. 01. 2001.

Сведения об авторе: **БАЖАНОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**

доктор философских наук, профессор,

зав. кафедрой философии и политологии Ульяновского государственного университета

Почт. адрес: 432063 Ульяновск - 63, А.Я. 1602

Эл.почта: bazhan@ulsu.ru (ИЛИ) bazhan@sv.uven.ru

<http://staff.ulsu.ru/bazhanov>

тел.:(8422)32-93-16, 32-07-80 (сл.), 329779 (дом.)

факс:(8422)41-23-40